

Гуревич Любовь. «Когда карандаш огибает надбровные дуги...» // Валерий Мишин:
Портретное сходство. [Букл. выст.] (24 мая – 24 июня 2024) / Литературно-мемориальный
музей Ф. М. Достоевского. СПб., 2024

Множество раз отмечалось, что неподцензурные поэты и независимые художники в нашем городе составляли единую среду. Первые издания, посвященные художественному андеграунду – «Аполлон-77» Михаила Шемякина, «У Голубой лагуны» Константина Кузьминского, «Газаневщина» Анатолия Басина, а вслед за тем постперестроечные сборники Пушкинской, 10» соединяли в себе художников и поэтов. Связь изобразительного искусства и поэзии прямо осуществлялась в творчестве Валерия Мишина: он пишет стихи, он, кроме того, сделался знатоком современной поэзии и, вместе с Тамарой Буковской, составил несколько поэтических антологий.

В начале 2024 года в издательстве «Вита Нова» вышла книга-альбом Мишина «Портретное сходство», в нее помещены поэты, которых по воле судьбы, прихоти случая или самого художника он имел возможность, желание или счел нужным нарисовать.

Название, по-моему, несколько опрометчиво. Иногда я не узнаю именно тех, с кем хорошо знакома. Да и сам он пишет: «Увы, движения руки и расчет карандаша значительно разошлись с моделью». Это не в упрек: кроме «похож – непохож», художник может ставить иные задачи. Но поскольку книга названа «Портретное сходство», его обсуждаю. Мишин передать сходство умеет превосходно. Но передает не всегда. Персонажи часто не таковы, какими мы их видим в жизни, (где на поэтов они обычно не похожи), а какими их мыслит (видит, представляет) Мишин. То есть именно – поэтами. Существами – не побоюсь этого слова – возвышенными. Ибо поэтическая мысль возвышает.

Что такое поэт для Мишина? Судя по портретам – отрешенность и внутренняя концентрация на некой мысли. Поэт у Мишина не поглощен каким-то впечатлением, но погружен в себя, сосредоточен.

Отрешенность от сиюминутного – давний мотив Мишина, уже в ранней серии «Мужики» он постоянно изображал на лицах своих заскорузлых, тяжеловесных персонажей мечтательность, отлет от существенности.

Поскольку портреты графические, они лишены присущей живописи чувственности. Но графичность Мишина особая: передающая плотность и осязаемость материи. Эфемерная поэтическая субстанция как бы обретает прочность. Тут присутствует постоянный для Мишина контраст: отчетливость воспроизведения подробностей плоти и передача духовного.

Можно сказать, сами портреты поэтичны. В них «знакомое становится незнакомым».

В альбоме две части: «С натуры и по памяти» и «Только с натуры». Во второй, по-моему, в портретах больше сходства, но меньше поэзии. Когда человек позирует, он находится не в творческом состоянии, не самососредоточен. Появляется взгляд, направленный во вне. Выражение лица, обусловленное присутствием Другого. А в первой части в лицах есть то, что Другому увидеть невозможно. Таким человек бывает только в одиночестве.

Еще о сходстве: мне показалось, что Мишин чаще изображает похожими тех, кого любит или чтит. Как похож, хотя и приподнят, идеализирован Сергей Ковалевский, в нем запечатлено то возвышение его образа, которое возникло посмертно.

«Человек потретизирующий пытается найти гармонию между формой и содержанием», – пишет Мишин. В отличии от художника, которому обычно доступно лишь зримое, Мишин содержание знает, поскольку оно стало продуктом – стихами. Он же составил «Антологию одного стихотворения», куда вошли, если не ошиблась, 138 поэтов, в том числе почти все, кто оказался в альбоме. Для чего нужно было их не только прочесть, но изучить. Пропустить через себя столько поэтов... Ну, у Кузьминского больше, но ведь Кузьминский не художник.

Но кажется, сильнее, чем стихи, он любит поэтов. Любит их путь.

Когда-то, пытаясь найти в поразительном многообразии творчества Мишина некую константу, я ее определила так: движение мысли. То же параллельно сформулировал искусствовед Эраст Кузнецов: игра ума. Мысль не как средство к чему-то прийти, но как побуждение куда-то направиться. По дороге отвлекаясь на что угодно. Я предполагаю: стихи для него не «священное безумие», но приключения мысли. Так предполагаю, но могу ошибаться: в знании современной поэзии его не догоняю. Я вообще не могу представить, как можно прочувствовать столько поэтов. Читать стихи, если они не захватывают, не резонируют, это тяжкий труд.

Но Мишин трудоспособен невероятно. Мишин – трудоголик. И ему мало в «Антологии» напечатать стихи. В первом томе каждое стихотворение сопровождается комментарием друга поэта, во втором – автокомментарием.

Каждый портрет в альбоме сопровожден заметкой – так сам Мишин назвал эти тексты, тем обозначив их непрятательность – вроде только чтобы, взглянув на портрет, мы не сразу с ним расстались. Тексты отвечают желанию зрителя что-нибудь узнать об изображенном лице. Они лишены определенной схемы, фрагментарны – можно выхватить несколько строк и отвести взгляд. Наполнение их многообразно, как многообразен Мишин во всем. Все, что перечислю ниже, может содержаться в них или отсутствовать.

Текст может начаться с философской сентенции, с рассуждения о поэзии, о стихосложении или сочинительстве. В нем могут затрагиваться разные темы: например, псевдонимов. Или разъясняться, что такое конвергенция.

Могут сообщаться обстоятельства создания портрета, могут быть замечания по поводу внешности потретируемого или получившегося портрета. Какие-нибудь биографические факты и географические сведения о поэте, местожительства, круг интересов, симпатии и увлечения, его ученичество и его учительство, влияния, былocadoлся подвержен. Дружеские связи, черты характера, особенности поведения, пружины поступков. Образование, место в жизни, побочная профессия, разные ипостаси. Обязательно – деятельность на пространстве поэзии помимо сочинения стихов, когда таковая имеется – издательская, составительская альманахи, антологии – попутно Мишин рассказывает об этих изданиях), редакторская, кураторство и организация литературных мероприятий, руководство ЛИТО, исследования в области литературы или теории поэзии. Мишин ценит любые усилия по продвижению поэтов – иногда вся заметка им посвящена, лишь в конце сообщается: «и попутно пишет стихи».

Мишин может рассказать об отношениях с поэтом и отношении к нему. Изложить обстоятельства знакомства, пересечения по жизни, совместные проекты. Темы разговоров, байки о нем, более или менее случайные факты и детали, оживляющие персонажа, развлекающие читателя. Эпизоды из жизни самого Мишина, прямо или косвенно связанные с персонажем. (Мишин себя характеризует как бытописателя – одна из его ипостасей – все это действительно интересно читать).

Иногда содержит характеристику поэта – собственную или препорученную авторитету, для чего вводит длинную цитату. Или заказывает самому поэту разъяснения: просит изложить кредо или обрисовывать предпочтения, поэтические установки. Обозначает принадлежность к направлению. Творческие принципы. Изобретения на почве стихосложения. Успехи.

Стихи приводит почти всегда, но вдруг уклоняется, оправдываясь тем, что не хочет быть преднамеренным в выборе. О них пишет или опять же увиливает, изящно: о стихах Лены Шварц: «Говорить о них я не вправе».

Тут нет позы бесстрастия. Тут изъяснения в любви стихотворению, изъявления благодарности, галантность по отношению к прекрасной даме: «Все, что делает она, – тонко, непревзойденно, божественно...»

Тон, то небрежный, будничный, то приподнятый: «Служительница муз». Возвышенное и земное – как совместить? Как о поэзии говорить в тоне будничном? Беда в том, приподнятые фразы, вставленные в короткий информационный текст, воспринимаются как банальность. Попробуйте написать нечто отвлеченное, что не состояло бы из фраз, несчетное количество раз употреблявшихся. Только самой поэзии такое под силу.

Приподнятость – отлет от существенности – вечная, иронически подаваемая тема творчества Мишина: вспомните хотя бы взлетающую корову, оседланную кряжистым мужиком.

Но когда в тексте он высказывает мысль, не укоренную в конкретности, когда становится высокопарен, это воспринимается не как ирония, а как дань вежливости. Ведь Мишин пишет о тех, с кем знаком, а такая словесность имеет всем известные достоинства и недостатки. Знакомый больше, чем посторонний, осведомлен о подробностях. Но он не может, не хочет писать всю правду, даже существенную, ему приходится лавировать. К тому же близкие обычно искренне переоцениваются. Поэтому хорошо бы при писании о знакомых воздерживаться от оценок. Мишин оценок не избегает. «Гениальный». «Великий». «Уникальный поэт». «Поэт-виртуоз». «Поэт с большой буквы».

Тексты о знакомых имеет минусы, но беда в том, что нужно прославиться, чтобы продуктами твоего творчества занялись незнакомые. Прославиться сложно, если никто о тебе не пишет. Так что приходится этот труд брать на себя знакомым, а нам – довольствоваться небеспричастными писаниями.

На что больше влияют эмоции: на изображение или на текст? Кажется, в портретах неизбежнее чувствуется отношение. Линия точнее, чем слово. Рисунок вмещает в себя неизмеримо больше, чем страница. Художник говорит больше, чем решился или счел нужным сказать писатель. Иногда я вижу в портрете восхваляемого Мишиным персонажа именно то, что меня в нем отталкивает. Он пишет: «Сколько достоинства и величия в этом лице!» – я читаю на нем: «Никому не сочувствуяй, сам же себя полюби беспредельно».¹

А в тексте – я заметила – чем прохладнее отношение, тем абстрактнее характеристика. Пик абстракции в тексте о Бобышеве – он весь состоит из цитаты: «Стихи – это голос Бога. То Слово, какое в Начале было у Бога. Какое было Бог. Стихи – это живое воплощение моци народа». И так далее, и тому подобное. К этому Мишиным прибавлено только: «Красивое, весьма возвышенное изречение, <...>, думаю, на странице Дмитрия Бобышева оно будет уместно». Так хочется отнести эту ремарку к иронии Мишина, но знаю: он в самом деле любит автора этого пассажа. Так любит, что изобразил похоже, хотя и весьма противным – в том варианте, который с натуры.

Из сказанного вытекает, что отбор поэтов не всецело определяется расположением Мишина.

Если вы все-таки задаетесь вопросом, каков же принцип отбора, не трудитесь искать. Мишин не критик, не литературовед, а художник и дизайнер книг. Он выбирал не из поэтов, а из сделанных им портретов поэтов: добивался стилистического единства. Сюда не попали портреты, выполненные в другой технике и манере – стилизованные, гротескные, отягощенные фактурой, деталями и атрибутами, на фоне чем-то заполненного пространства. В общем, портреты с каким-то дополнением. Тут (за очень малым исключением) ничего, кроме лица, приближенного к зрителю. Лица напряженные и живые – он ушел от ему свойственной статичности и условности.

В неофициальном искусстве творцам приходилось прибегать к самообслуживанию. Поэтам – брать на себя функции литературоведов, составителей антологий, редакторов журналов. То были поэты, которые, вопреки завету Брюсова, любили не только себя, заботились не только о собственных стихах. При этом они были свободны от ограниченный, которые налагаются на профессионала. Не трудились обосновать хотя бы порядок расположения. Как у Кузьминского: что хочу, то и ворочу. Поскольку делал не профессионал, а поэт, продукт как бы следует судить по меркам искусства – как выражение индивидуальности.

Альбом Мишина есть продолжение этой, можно сказать, традиции. Он не старается быть последовательным ни в чем, кроме стилистического единства изображений, чем пренебречь не может, поскольку он художник-профессионал. Мало старается быть беспристрастным. Он утверждает имена, борясь с недооценкой.

Цель альбома – как ее определяет Мишин – «засвидетельствовать, что мы были». Ценность для меня – в явленном многообразии поэтических состояний. А кто-то найдет себе нового поэта...

